

ЗАРЕВАЯ МАГИСТРАЛЬ

Если росный асфальт не отличен от неба,
а небесная хмурица в цвет асфальта бела,
то похожа на правду рассветная небыль,
будто лента небес под колеса легла.
Шла машина в полях, из разлива озимых
в небеса напрямую вонзая свой бег.
На возгорки ее из приглубой низины
направлял указатель, нацеленный вверх.
Чем стремительней близился гребень увала,
чем напористей ветер давил на стекло,
тем заметней навстречу заря набегала,
а с увала увиделось: солнце взошло!
Тракт, полями зажатый, летел к горизонту,
где едва различимым был контур села.
Солнце било в лицо, но асфальтная к солнцу,
прямо к солнцу, казалось, дорога вела.
Гнал машину шофер. Под тугие баллоны
грязь кидалась, успевшая позолотеть.
И казалось шоферу, что хватит разгона
от земли оторваться и в небо взлететь.
Вне завязности штор и слащавых таблеток
ветерком леденящим входило в меня
то, что чувствовал мой незапамятный предок,
вперехват табуну разогнавший коня.
Он орлом возлетал по-над гривую черной,
не желая и мыслить о доле иной,—
это было — и только! — слиянием с нормой,
человеку предвещанной в жизни земной.
Мы не ползать — летать рождены. Оттого-то
нам с рожденья увалы земные тесны,—
неспроста же приходят восторги полета
в наши самые ранние детские сны.

Мы храним эти сны нашим правом и долгом
до поры примеряться к небес глубине,
чтоб однажды, душою смущенною дрогнув,
с заревыми высотами слиться вполне.
Этот день, что из роздыми светом пробрызнул,
по-небесному щедро меня осенил
молодым ощущеньем космичности жизни
с этим солнцем, светло выходящим из нив.
Вровень с полем висело оно, — хоть дотронься,
караваем маячило из-за села,
что само в этот раз золотело, как солнце,
на дороге, которая к солнцу вела.